

ряді ключових аспектів існування і функціонування «homo communicans». Акцентовано увагу на двох аспектах антропологічної проблеми: формування (розмивання) стабільної ідентичності і «втрати людяності» людини.

Ключові слова: глобалізація, комунікація, антропологія, людина, «homo communicans», ідентичність, вітальність, індивідуалізм, атомізм.

Vershina V. Anthropological problem in the context of space of modern communication.

Philosophical sense of problem of person is examined in the context of forming of «total communication» space of contemporary. Transformation of anthropology and specification are analyzed in a number of key aspects of existence and function-ing of «homo communicans». Attention is accented on two aspects of anthropological problem: forming (washing out) of stable identity and «dispersality» man.

In the information society anthropological problems are exposed by deep transformations and concretized in a number of key aspects of the existence and functioning of «homo communicans». This problem of the formation (loss) stable identity, and the problem of «dehumanization» of man, the disappearance of personhood and «vitality» that causes the appearance of a new anthropological character – «eternally changeable» man as a mediator in the space of infinite communications distorted reality, space distorting mirrors. Further research in this area suggests the formation of deployed philosophical and anthropological theory, which is necessary to modern society.

Key words: globalization, communication, anthropology, person, «homo communicans», identity, vitality, individualism, atomism.

Надійшла до редколегії: 28.04.2014

УДК 141.32

Ю. В. Писня

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФЕНОМЕН САМОУБИЙСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ АТМОСФЕРЫ В РОССИИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Проанализирован феномен самоубийства в русской философской мысли как отражение духовной атмосферы в России XIX – первой половины XX веков.

Ключевые слова: человек, общество, жизнь, деструкция, самоубийство, трансформация, духовность.

Развитие русской философии в целом и развитие ее религиозной линии в частности подтверждает, что для понимания русской истории, духовного мира русского человека важно исследовать философские поиски русского ума. Русская мысль XIX – первой половины XX вв. представляет собой духовный ренессанс, способствует приобщению к богатствам духовной жизни человечества.

Именно конец XIX – начало XX в. является для России временем существенных, глобальных перемен, которые затронули практически все сферы жизнедеятельности человека. Начиная с перемен в политическом и государственном строе России, далее в науке, философии, религии и заканчивая изменениями в культурном, моральном и экзистенциальном мироощущении человека. С точки зрения национально-исторических, философско-этических и общественно-политических характеристик глобальные перемены в России данного периода оказались судьбоносными и определяющими для дальнейшего развития русского народа, России, культуры страны и самого человека как микрокосма.

Целью данного исследования является анализ феномена самоубийства как отражения духовной атмосферы, что царила в России в XIX – первой половине XX вв. Поставленная цель достигается путем разрешения следующих задач:

- 1) проанализировать духовный ренессанс русской философской мысли XIX – первой половины XX вв.;
- 2) рассмотреть явление самоубийства как опасный социально-деструктивный феномен для России XIX в.;
- 3) раскрыть суть метафорического дискурса феномена суицида в духовной атмосфере России XIX в. (И. Паперно);

- 4) выяснить значение понятия «эпидемические самоубийства»;
- 5) раскрыть особенности феномена самоубийства в среде русской интеллигенции.

Базой для данного исследования послужили работы А.В. Гулыги, Н.А. Бердяева, А.А. Гусейнова, И.П. Красенковой, И. Паперно и другие.

Примат материалистических установок над духовными, начавший господствовать в XIX в., порождает прежде всего деструктивные следствия, внешнее проявление которых проявилось в агрессии народа, революциях, войнах и массовых суицидах. Так, И. Паперно отмечает: «Вслед за своими европейскими собратьями, русские позитивисты вступили в новый мир – мир материальных фактов, доступный посредством человеческих ощущений и естественнонаучных методов» [6, с. 51]. В свою очередь, очевидным является тот факт, что ни одно глобальное изменение не может проходить бесследно, безболезненно. Всякое новое возникновение, начало чего-либо является следствием крушения привычного, предшествующего строя или же его существенной трансформацией. «Настоящее всегда рассматривалось как утрата чего-то, имевшегося в прошлом [2, с. 9], – отметил А. Гулыга в данном контексте.

Таким образом, претерпевая ряд трансформаций, Россия XIX в., шагающая к новой лучшей жизни, приобретает такие побочные явления и «выкидыши», как социальное разложение общества, потеря и ослабление нравственных идеалов, утрата духовности и веры, массовые самоубийства, враждебность, воплощающаяся в революциях, войнах, убийствах. Данные трансформации, естественным образом, не могли оставить равнодушными мыслящие умы России. В результате в центре внимания мыслителей, философов эпохи Великих Реформ в России оказывается проблема духовной сущности человека, нравственности, морали, воли, веры, смерти и бессмертия, свободы и ответственности, смысла жизни и др. С целью преодоления ряда духовных проблем, деструктивных следствий, спровоцированных материалистическими тенденциями и общественно-политическими движениями, мыслители обращаются к вере, религии. Для философской мысли XIX – начала XX вв. характерным является обращение к религиозным основаниям, поскольку у истоков духовного развития и истории русского народа лежит христианское православие. Проблема человека, его свободы, смысла жизни, смерти и бессмертия, веры, разума, духовного и материального, а также другие философско-мировоззренческие проблемы являются ключевыми как для философии, так и для религии, будучи особенно актуальными для русской философии рубежа исследуемых веков.

Для XIX – первой половины XX вв. характерным является мощный подъем русской философской мысли, ее духовный ренессанс. Русская философия этого периода представлена такими именами, как В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Л. Франк, И. Ильин, С. Булгаков, П. Флоренский, Л. Толстой, Е. Трубецкой, С. Трубецкой, К. Леонтьев, Н. Федоров и др.

В основе потребности создания русскими мыслителями христианской, православной философии лежит их стремление осознать и осмыслить сущность православия. От влияния западных тенденций, непосредственно от влияния немецкого идеализма (Фихте, Шеллинг, Гегель, Кант), русской философской мысли XIX в. не удалось изолироваться, но, в свою очередь, она критически оценивала идеи запада, при этом самостоятельно и творчески разрешая сложнейшие философские проблемы. Русские мыслители исследовали множество проблем духовной сущности человека, тем самым пытались отыскать ответы на главные вопросы, волнующие человека в современном им мире. Как справедливо отметил А. Гулыга: «Русская философия указывает людям достойный путь – создание высокой человеческой общности, где индивид не задавлен всеми и все не страдают от острых углов индивидуальности. Для русских идеалистов, как увидим, это одна из главных проблем. В решении ее они опирались на классиков немецкой философии» [2, с. 8].

Особенностью XIX в., по мнению Н. Бердяева, явилось то, что «после долгого

безмыслия, русский народ, наконец, высказал себя в слове и мысли и сделал это в очень тяжелой атмосфере отсутствия свободы. Я говорю о внешней свободе, потому что внутренняя свобода была у нас велика» [1, с. 8].

Русские мыслители возлагали большие надежды на великое будущее своей страны, усматривая в ее прежнем состоянии еще не реализованный огромный потенциал. Надежды народа на развитие России в будущем основывались на вере в собственную страну и глубоком патриотизме.

Н. Бердяев отмечал, что именно XIX век более всего характеризует русскую идею и призвание. Этот период в жизни России знаменуется напряженными духовными и социальными поисками, как отмечает Н. Бердяев: «Русская мысль XIX века будет социально окрашена» [1, с. 29].

Философская мысль XIX в. характеризуется религиозными, моральными и социальными чертами. Русская философия XIX – первой половины XX в. с особенной важностью в центр своего внимания выносит проблему человека, его судьбу, проблему общества. В русской философии социальная тематика занимает значимое место. Существовало понимание, что русский народ должен прийти к социальной правде и братству.

В целом XIX в. можно определить как стремление к прогрессу и к результатам мировой цивилизации, но наряду с этим следует отметить и острое осознание бездушия, пустоты, порожденные результатами прогресса. В свою очередь, данный период пронизан стремлением к свободе и социальной правде, что определило мотивы и направления развития русской философской мысли – религиозные, моральные, социальные.

Уже 1860 – 1880 гг. определялись как перестройка и разложение всего прежнего строя жизни, с присущим этому процессу духом пессимизма в народных массах. Как справедливо отметил Н. Бердяев: «Происходит борьба правды и кривды. Но в них чувствуется народный пессимизм» [там же, с. 11].

Феномен самоубийства рассматривается в данном контексте как порождение своего времени, некая логическая закономерность появления и распространения данного явления в обществе того времени. И. Паперно в работе «1860-е годі: перестройка, гласность, травматическая эпидемия» отмечает, что самоубийство становится предметом пристального внимания в России в 1860-е гг. Также автор статьи подчеркивает распространенность самоубийств в «просвещенный и гуманный XIX век» [6, с. 51], подобно эпидемии, которая убивает тысячи людей.

Идейственно, в России, начиная с конца 1830-х гг., прослеживается увеличение объема информации о фактах самоубийства в прессе, а значит, придание гласности статистики самоубийств. В изданиях для подобной информации отводятся, как отмечает И. Паперно, целые рубрики и колонки. В свою очередь, данный факт свидетельствует о реальном росте и постоянном рецидиве феномена суицида в России XIX в. С 1848 г. сообщения в прессе о фактах совершенных суицидов исчезают, но лишь в силу того, что русское правительство в связи с революциями в Европе усиливает контроль над печатью. Начиная с 1860-х гг., после ослабления контроля, сообщения о самоубийствах вновь занимают немалое место в прессе. На основе вышеуказанных фактов следует отметить, что в действительности явление самоубийства для России XIX в. представляло собой опасный социально-деструктивный феномен, который подобно эпидемии поглощал новые жизни. Как отметила И. Паперно: «Одно было несомненно: эпидемия самоубийств настигла и Россию» [6, с. 89].

И. Паперно акцентирует внимание на том, что публицисты того времени факт роста числа самоубийств связывали со спецификой исторической эпохи. Спустя десять лет, постоянно пестривших суицидальными хрониками колонок в прессе, феномен суицида становится привычным явлением, который постепенно перестает вызывать удивление, что формирует атмосферу равнодушия.

Таким образом, как было отмечено, в атмосфере общественно-политических и философско-мировоззренческих изменений, происходящих в России XIX в., феномен суицида становится привычным явлением, судя по печатным изданиям:

«Неделя», «Дело», «Гражданин», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» и др. Однако несмотря на хладнокровное отношение к проблеме самоубийства, которое сформировалось у обозревателей и укоренилось в массовом сознании, причины и мотивы суицидальных действий все же не прекращали волновать ученых, мыслителей, медиков. Об этом свидетельствуют попытки объяснения причин самоубийств с помощью цифр и подсчетов, путем обработки статистических данных, в ходе которых пытались дать наиболее точные ответы относительно количества и сути суицидальных случаев. Публицисты, например Б. Онгирский, прибегая к помощи научных методов, статистики, выдвигал предположения о такой основной причине суицидов в России, как бедность. При этом факты суицидов среди благородных и богатых граждан России тут же опровергают подобные притязания науки на точность ответа относительно такой столь сложной и многоаспектной проблемы, как суицид. Вопрос продолжал оставаться открытым. Авторов, пытавшихся дать максимально точные ответы на вопросы о суицидальных причинах, сложность поставленной задачи приводила в замешательство. Рост числа самоубийств пытались объяснить и с позиции развития цивилизации, капитализма, атеизма, и в связи с причиной растущей бедности, что влекло развитие душевной болезни, следствием чего (как чаще всего и считали) и являлось самоубийство.

Обширная статья о сущности влияния упомешательства на предрасположенность человека к совершению суицида публикуется в 1880 г. Н. В. Пономаревым «Самоубийство в Западной Европе и России в связи с развитием упомешательства». Анализируя феномен суицида, Н.В. Пономарев рассматривает данную проблему в медицинском ключе, пытается найти ответы на сложные вопросы о мотивации самоубийц в их телесном и физическом состоянии. Замечу, акцент ставится на внутренние причины и стороны явления суицида при отсутствии должного внимания к внешним обстоятельствам и влияниям. В свою очередь, А.В. Лихачев в работе «Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования» сводит рассмотрение проблемы суицида к анализу статистических данных, исследуя этот феномен с позиций социологического знания. Материал (статистические данные), на основе которого ученый делает свои заключения, относится не только к России, но и охватывает Западную Европу, при этом А.В. Лихачев проводит их сравнительный анализ.

Таким образом, проблеме самоубийства уделяется должное внимание в России исследуемого рубежа веков, но установить объективные причины роста показателей суицидальной кривой не удастся. И на первый взгляд, основной причинной этого представляется напрасная и ошибочная попытка исследователей отыскивать причины самоубийств во внутренней сути самого человека, его умонастроениях и физиологических болезнях. Взглянув на проблему с современной точки зрения, становится ясно, что и Б. Онгирский, и А.В. Лихачев, и Н.В. Пономарев и другие исследователи сосредотачивали свое внимание на той или иной стороне проблемы, при этом не охватывая в целом всех ее граней. Именно поэтому лишь философам удавалось всесторонне исследовать явление суицида, вскрыть многогранность проблемы.

Современная исследовательница феномена суицида в России И. Паперно усматривает в вышеизложенной исторической ситуации и духовной атмосфере России XIX в. некую метафоричность. Суть метафорического дискурса заключается, с ее точки зрения, прежде всего в символическом отождествлении общества с коллективным телом. При этом коллективное тело понимается вовсе не как благополучное, а напротив, как наделенное патологией, что соответственно служит свидетельством отражения негативного и нездорового состояния русского общества XIX в., т. е. состояния аномии. В таком метафорическом ключе самоубийство с индивидуального явления перерастает в явление коллективное и трактуется как результат разложения общества. Чтобы понять причины упадка и разложения общества, необходимо изучить суть социальных процессов внутри

общества, исследовать глубинные пласты взаимосвязи «человек – общество». Таким образом, И. Паперно, проводя линию метафоричности, в данном случае соотносит такое действие (исследование внутренних закономерностей общества) с хирургическим вскрытием трупа суицидента. Для определения сути суицидальных действий человека в России XIX в. бытует устойчивое мнение о необходимости внутренних причинах самоубийств, которые и пытались исследовать путем вскрытий.

Современная исследовательница феномена самоубийства И.П. Красненкова констатирует: «Анализ суицида для русских мыслителей всегда представлял из себя анализ предельной, «пограничной ситуации» для личности при выборе ею определенного жизненного пути, другими словами, анализ истоков «веры ЖИВОЙ» [4, с.153]. Вспомним Н. Бердяева, для которого самоубийство есть отрицание трех высших христианских добродетелей: веры, надежды, любви.

Пестрящие сообщениями о самоубийствах хроники новостей в прессе, в особенности акцентирование внимания в них на ужасном состоянии тел самоубийц, свидетельствуют прежде всего о сути разложения и самого общества, в котором до рокового мгновения жил суицидент. Проводя параллели тела суицидента с телом общественным, И. Паперно, отмечая символическую роль вскрытий, акцентирует внимание на важности внутренних причин в противовес поиску внешних предпосылок губительных действий. Но такова эпоха, где внешние причины отходят на второй план и обязательно отыскивается ряд внутренних патологий.

В начале XX в., вскоре после революции 1905 г., русская печать вновь наполняется сообщениями об эпидемии самоубийств. И. Паперно пишет: «Тема самоубийства буквально наводняла русскую печать вплоть до 1914 года, когда с началом первой мировой войны она практически исчезла и со страниц газет и журналов, и из профессиональных публикаций. Как и в 1860 – 1880-е годы, в 1900-е годы внимание современников привлекла именно повторяемость и регулярность числа самоубийств, осмысляемая как «эпидемия»» [6, с. 121]. Ведь, как отмечает И.П. Красненкова, начало XX в. в России было ознаменовано не только участием в событиях первой мировой войны, революционными катаклизмами, но и массовыми самоубийствами. В свою очередь, в начале XX в. в отличие от срединных годов XIX в., потребность в объяснении причин деструктивного явления значительно возрастает. «Ноты недоумения, тревоги и скепсиса пронизывают многое из написанного в это время», – констатирует И. Паперно [там же, с. 123].

Говоря о XX в., отметим и роль господствующих в то время идей, которые непосредственно влияли на атмосферу жизни каждого человека и общества в целом. Относительно вышеуказанного периода И.П. Красненкова отмечает: «Для синтетичного, прагматичного русского сознания начала 20-го века был характерен поток такой системы идей, которая бы не только объясняла мир, но и изменяла его хотя бы в масштабах одной личности. Две системы идей в качестве руководящей силы выступили на авансцену в ту бурную, смутную для России эпоху – марксизм и христианство, русский атеизм и русская истовая «живая» вера в Бога» [4, с. 154].

Само понятие «эпидемия», принимавшееся в 1860 – 1880-е гг. как само собой разумеющееся, стало привлекать критическое внимание исследователей. Причем этот термин в контексте суицидальной проблематики исследуемого периода необходимо рассматривать в символическом ключе. «Если воспринимать слово «эпидемия» в прямом, а не метафорическом смысле, то оно предполагает медицинское объяснение явления самоубийства» [6, с. 126].

В статье «Эпидемические самоубийства» Л. Шейнис обращается к вопросу о сути употребления понятия «эпидемия» в контексте проблемы самоубийства. Исследователь констатирует, что указанное понятие не верно истолковывалось, в связи с чем бытует ошибочное представление относительно «эпидемических самоубийств». Л. Шейнис отвергал медицинский взгляд на самоубийство, который предполагал в начале XX ст. зависимость самоубийства от расстройств психики (умопомешательство). Исследователь разграничивает внутренние и внешние особенности «эпидемии», тем самым разделяя медицинскую трактовку термина

и употребление последнего в контексте суицидальной тематики. Если речь идет о болезни инфекционной, то эпидемический характер связан непосредственно с той инфекцией (источником болезни), который заражает массово других людей. Источник инфекции коренится внутри, в самом человеке. Говоря о суицидальных настроениях и «эпидемии» Л. Шейнис отметил, что заражающий эффект образуется из внешних социальных факторов, которые порождают общее упадочное настроение и дают, таким образом, возможность другим людям «подражать» такому негативному примеру (суицид). В качестве примера Л. Шейнис приводил и исследовал массовые суициды в среде русских старообрядцев.

Интересно, что, рассматривая причины массовых самоубийств в современном обществе, И.П. Красненкова отметила: «Заразительность и коллективность – это те характеристики суицида, которые напрямую связаны, с одной стороны, с урбанизацией современного населения Земли, а, с другой стороны, – с влиянием средств массовой информации» [4, с. 165]. В свою очередь отметим, что источником информации о количественных показателях самоубийств в России рубежа исследуемых веков послужила пресса. Преимущественно со страниц печатных изданий люди черпали информацию о распространении данного явления.

Самоубийство связывалось на страницах печати с рядом таких признаков «разложения общества», как революционная деятельность, проявления сексуальности, сектантство и декадентство (как литературный стиль и стиль жизни). Так, исследователи массовых явлений суицидов, пытаясь объяснить причины деструктивного поведения людей, группировали статистические сведения таким образом, что обнаруживалась даже некая корреляция между самоубийствами и конкретными политическими событиями.

В попытках понять суть самоубийства исследователи не заходили дальше конкретных научных объяснений. Колеблясь в своих доводах от статистических данных до медицинских объяснений (наличие патологий, психических заболеваний у суицидентов), охватывая общественно-политические влияния (революцию, смену исторических событий, социальное неравенство и бедность), ученые приходили к выводам лишь единичным, точечным, которые не давали вразумительных ответов на проблему деструкции личности – самоубийство. В свою очередь, феномен суицида давал о себе знать вновь и вновь. Сотни, тысячи людей – «простых» и благородных, крестьян без роду и племени и дворян-интеллигентов, умов России – уходили из жизни по собственной воле, безвозвратно убивая в себе жизнь.

Проблема нуждалась в разрешении, исследовании, ее критическое состояние не удовлетворяли уже конкретные, но отвлеченные ответы, которые предлагались. Развивающаяся «эпидемия» требовала объективных всесторонних исследований, которые проводились бы не только на уровне физическом, но и в метафизической плоскости. Такое исследование было доступно только с позиции философии. Таким образом, феномен суицида попадает в поле зрения выдающихся людей России – мыслителей, творивших идею русского народа. В частности, русские религиозные философы изучали феномен самоубийства как наболевшую и многоаспектную проблему их времени, задаваясь вопросами о причинах, масштабах явления и о проблеме его решения. Практически ни один философ рубежа XIX – XX вв. не обошел вниманием проблему самоубийства, более того, большинство из них посвятили исследованию проблемы не одну работу, а огромное количество страниц своих фундаментальных трудов. Не обошли своим вниманием мыслители и феномен суицида в среде русской интеллигенции. Основным делом и заслугой интеллигенцией являлось духовное развитие России. Под интеллигенции в данном контексте мыслится лучший особый слой людей (культурный, передовой). Как отмечает А. Гусейнов: «Основным и специфичным признаком интеллигенции считается ее высокая нравственная проба» [3, с. 2].

Анализируя суицидологические тенденции в России XIX – начала XX вв., Г. Чхартишвили обозначает «народ» и «интеллигенцию» двумя нациями. Таким образом исследователь подчеркнул разность социальных слоев, интересов,

взглядов, культурних рівней цих двох протилежних образів. Г. Чхартишвілі розділяє народ і інтелігенцію, оскільки в зв'язі з їх розривністю практично неможливо свести два вказаних шари під загальний знаменатель.

Писатель підкреслює, відносно інтелігенції, що з точки зору суїцидології виявляється наступний факт: «С самого свого зародження інтелігенція проявляла значно більше схильності до самоубийства, ніж «народ». Це повністю відповідає суїцидологічним законам: матеріальна устроєність (навіть у вигляді опротної бідності), поєднуючись з вольнодумством, стимулює ріст самоубийств» [12, с. 124].

З точки зору дослідника, є по меншій мірі два ознаки, якості, які підкреслюють суїцидальні схильності російського народу:

1) душевна щедрість, розмах і схильність до анархії, що втягує за собою ослаблення інстинкту самозбереження;

2) непорозуміння значення особистості кожної окремої особи як зворотна сторона відчуженості російського чоловіка, його співчутливості.

В поєднанні і взаємодії вищевказані національні риси російського народу мають можливість трансформуватися в потужний саморозрушительний імпульс. Особливу увагу письменник приділяє проблемі релігії, а точніше, її ослабленню в післяпетровське час, що формалізувало в цілому її вплив. Дослідник акцентує увагу на атеїзмі російського народу, в сутності підкреслює лише збережене суєвер'є і втрату істинного релігійного свідомості.

Щодо ХХ ст., то, за думкою Г. Чхартишвілі, спостерігається трансформація суїцидальної ситуації. «“Народний” суїцид втратив релігійну складову частину і набув чисто побутові риси: п'янство, потреба, нестроєність» [12, с. 132].

Ми розділяємо точку зору Г. Чхартишвілі, згідно якої первинним є сприйняття інтелігенції як духовного стану, а вже після – як сослов'є. Слід зауважити, що суттєві риси інтелігенції дослідник, зокрема, бачить у повазі до особистості. Під такою повагою розуміється гідне ставлення, в певну чергу, до себе, і відповідно – до інших. Світоглядні основи інтелігенції складали почуття незалежності і внутрішньої свободи. Саме аспект «внутрішньої свободи» став трагічним для російської інтелігенції, оскільки будь-яке обмеження свободи з боку наносило непоправимі руйнівні впливи на особистість.

Як справедливо зауважив Н. Бердяєв, «“інтелігенція” не відчувала себе органічним шаром російського життя, вона втратила цілісність, відірвалася від коренів» [1, с. 111].

В свою чергу, Г. Федотов, який досліджував феномен інтелігенції, виділив дві її характерні риси:

1) ідейність як особливий вид раціоналізму, що має етичну окраску;

2) беспочвенність як відірвання від національної культури, національної релігії, держави, класу, від усіх соціальних і духовних образів [11, с. 408].

Такий відірвання, згідно Г. Федотову, органічно призводить до втрати ідейності, що має своїм наслідком відчай. В свою чергу, відчай, як і вищевказані причини, продовжало сеяти деструктивні умонастроєння в середі російської інтелігенції.

Депортація (принудительний виїзд) інтелігенції спровокувала нові хвилі самоубийств видатних умів Росії в еміграції. Однією з основних і помітних причин подібних явищ серед інтелігентів став відірвання їх від рідної землі, родини, де вони жили і для якої жаждали нових кращих змін. Як справедливо зауважує А. Гульга: «Безумовно, російська риса – прив'язаність до Росії в цілому і до рідних місць, до мови, до співвітчизників. Відсюди – ностальгія, туга по батьківщині, якщо втрачаєш її навіть на непродовжальний час. Бути за межею цікаво, але незручно, незважаючи на побутові зручності: тягне додому, до рідних умов, за які звично триматися. Не врятувати»

потребность в общении с близким (пусть первым встречным) – не просто в обмене информацией, а в стремлении излить душу, вести доверительный разговор, когда тебя понимают, и ты понимаешь с полуслова, а то и вовсе без слов – глазами, жестом, мимикой, ибо и так все ясно, хотя говорить можно без конца» [2, с. 20].

Таким образом, подводя итоги, следует заметить, что те духовные сдвиги и изменения, которые происходили в России обозначенного временного периода, спровоцировали острую, суицидальную ситуацию в обществе, обратив внимание мыслителей на исследование феномена самоубийства. Чреда трансформаций, которые переживала Россия XIX и первой половины XX ст., продвигаясь к новой лучшей жизни, сопровождалась такими побочными явлениями, как социальный распад общества, утрата и ослабевание моральных идеалов, веры и духовных основ, массовые самоубийства, враждебность, которые воплотились в убийствах (преступления, революции, войны) и самоубийствах. Такие процессы не могли оставить равнодушными мыслящие умы России, в связи с чем в центре их внимания оказывается проблема духовной сущности человека, морали, воли, веры, смерти и бессмертия, свободы и ответственности, смысла жизни и другие. В целом период, который охватывает XIX - первую половину XX ст., можно определить как тяготение к прогрессу с учетом результатов мировой цивилизации, в связи с чем следует отметить и острое осознание бездушности, пустоты, порожденное результатами прогресса. Кроме того, данный период был пронизан стремлением к свободе и социальной правде, что определяло мотивы русской философской мысли – религиозные, моральные, социальные.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н.А. Русская идея [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 624 с.
2. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы [Текст] / А. Гулыга. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 448 с.
3. Гусейнов А.А. Слово об интеллигенции [Текст] / А.А. Гусейнов // На рубеже веков. – № 1. – М., 1997. С. 64-71.
4. Красненкова И.П. Философский анализ суицида [Текст] / И.П. Красненкова // Идея смерти в российском менталитете. – СПб., 1999. – С. 151–174.
5. Осетрова О.О. Російська інтелігенція та суїцид [Текст] / О.О. Осетрова // Вісн. Дніпропетр. нац. ун-ту. Серія: Філософія. Соціологія. Політологія. – № 9/2. – Т. 19. – Д., 2011. – Вип.21(1). – С.21–25.
6. Паперно И. Самоубийство как культурный институт [Текст] / И. Паперно. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 252 с.
7. Писная Ю.В. Н.А. Бердяев о феномене самоубийства [Текст] / Ю.В. Писная // Філософія і політологія в контексті сучасної культури: наук. журн. – Вип. 1(2). – Д., 2011. – С. 56–61.
8. Русская религиозная антропология: антология [Текст] / сост. Н.К. Гаврюшин. – М.: Моск. духов. акад., 1997. – Т. 1. – 528 с.
9. Русские философы (конец XIX - середина XX века) [Текст]: антология / сост. А.Л. Доброхотов [и др.]: – М.: Кн. палата, 1993. – Вып.1. – 367 с.
10. Смысл жизни в русской философии. Конец XIX начало XX вв. [Текст] – СПб.: Наука, 1995. – 380 с.
11. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции [Текст] / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 403 – 443.
12. Чхартишвили, Г. Писатель и самоубийство [Текст] / Г. Чхартишвили. – М.: Новое лит. обозрение, 2001. – 576 с.
13. Шейнис, Л.К. К истории самоубийства [Текст] / Л.К. Шейнис // Русская высшая школа общественных наук в Париже: Лекции профессоров. – СПб., 1905. – С. 85–111.

Пісна Ю.В. Феномен самогубства як відображення духовної атмосфери в Росії XIX – першої половини XX ст.

Проаналізовано феномен самогубства в російській філософській думці як відображення духовної атмосфери в Росії XIX – першої половини XX ст.

Ключові слова: людина, суспільство, життя, деструкція, самогубство, трансформація, духовність.

Pisnaya Yu. The phenomenon of suicide as a reflection of the spiritual atmosphere in Russia XIX - early XX centuries.

Development of Russian philosophy in general and the development of its religious lines in particular confirms that to understand Russian history, Russian human spiritual world, it is

important to explore the philosophical search of the Russian mind. Russian thought XIX - early XX centuries is a spiritual renaissance, promotes wealth attached to the spiritual life of mankind. So, the end of XIX - early XX centuries is for Russia, especially, the time of significant global changes which affected virtually all spheres of human activity. Starting with changes in the political and state system of Russia, then in science, philosophy, religion, and ending with the changes in the cultural, moral and existential outlook of the person.

The purpose of this study is to analyze the phenomenon of suicide as a reflection of the spiritual atmosphere that prevailed in Russia in XIX - first half of the XX century. This goal is achieved by solving the following tasks:

- 1) analyzing the spiritual renaissance of Russian philosophical thought XIX - early XX centuries .;
- 2) the phenomenon of suicide is considered as dangerous and destructive social phenomenon for Russia of the XIX century ;
- 3) disclose the essence of metaphorical discourse phenomenon of suicide in the spiritual atmosphere of the XIX century Russia (I. Paperno);
- 4) clarify the meaning of « suicide epidemic »;
- 5) The features of the phenomenon of suicide among the Russian intelligentsia.

Thus, it should be noted that the spiritual shifts and changes that took place in Russia a designated time period, provoked a sharp, suicidal situation in society, drawing attention to the study of the phenomenon thinkers suicide. Train of transformations that Russia experienced XIX and the first half of the XX century, moving to a new and better life, accompanied by side effects such as social disintegration of society, fainting and loss of moral ideals, faith and spiritual foundations, mass suicide, hostility, which was embodied in the killings (crime, revolutions, wars) and suicide. Such processes could not remain indifferent in thinking minds of Russia, and therefore, the focus of their attention is the problem of the spiritual essence of human morality, faith, belief, death and immortality, freedom and responsibility, the meaning of life and others. In general, a period that covers the XIX - first half of the XX century, can be defined as an attraction to the light of the progress of world civilization, in connection with which it should be noted, and keen awareness of callousness, voids generated by the results of progress. Also this period was riddled with the desire for freedom and social truth that determined the motives of Russian philosophical thought - religious, moral, social.

Key words: people, society, life, destruction, suicide, transformation, spirituality.

Надійшла до редколегії: 15.03.2014

УДК 323.13

І. М. Грабовська

Київський національний університет імені Т. Шевченка

Т. М. Талько

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

УКРАЇНСЬКИЙ ЖІНОЧИЙ РУХ У КАНАДІ - ПРИКЛАД КОНСОЛІДАЦІЇ УКРАЇНСТВА ЗА МЕЖАМИ БАТЬКІВЩИНИ

Проаналізовано діяльність неурядових жіночих організацій Канади за сім десятиліть їх історії на канадській землі. Досвід вказаних громадських об'єднань оцінюється як корисний для вивчення та застосування у процесі становлення та функціонування громадянського суспільства в сучасній Україні. Зазначено, що сьогодні громадянське суспільство перетворюється на впливовий чинник життя країни, від існування та функціонування якого залежать перспективи її державності та цивілізаційної належності

Ключові слова: жіночий рух, неурядові жіночі організації, громадянське суспільство, цивілізаційний вибір.

Розвиток громадянського суспільства в Україні, механізми його формування та функціонування чи не найактуальніша проблема подальшого існування української державності. Проблема цивілізаційного вибору країни, її виживання на сучасному складному кризовому етапі існування сьогодні без перебільшення залежить від досягнення компромісу між трьома основними діючими силами: влади, опозиції та громадянського суспільства.

Новим потужним політичним чинником у житті сучасної України стало саме громадянське суспільство, яке заявило про себе і власні права на вирішення долі української держави та її громадян. Відбувається процес переходу від